

A movie poster featuring a man and a woman in a romantic embrace. The man, on the left, has dark hair and a tattooed arm, wearing a black long-sleeved shirt. The woman, on the right, has voluminous red curly hair and is wearing a red dress with a high slit. They are positioned in front of a dark, futuristic motorcycle. The background is a vibrant cosmic scene with purple and blue nebulae, stars, and floating crystal-like structures. The title 'Энни Лунная' is written in a white serif font, and 'Ты - мой шторм' is in a large, stylized white script font. A small '18+' rating icon is in the bottom right corner.

Энни Лунная

Ты - мой шторм

18+

Энни Лунная

Ты - мой шторм

<https://litres.ru/74681159>

SelfPub; 2026

Аннотация

Милена всегда знала, чего хочет: стать балериной и поступить в престижную школу «Мерси». Она привыкла бороться за свою мечту и не позволять обстоятельствам сбить себя с пути.

Но всё меняется, когда в её жизни появляются два брата.

Тор — тот, перед кем невозможно устоять.

Тим — тот, чьё прошлое лучше не пытаться разгадать.

Два брата. Одна девушка. И чувства, которым не суждено остаться без последствий.

Содержание

Вступление	4
Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Энни Лунная

Ты - мой шторм

Вступление

Ты – мой шторм

Иногда ты встречаешь не человека, а целый шторм, в котором хочется утонуть.

Плейлист

McLean - Broken

Saint Vice - GOOD GIRL

Imagine Dragons - Whatever It Takes

Ari Abdul - You

Omido - NEVER EVER

Rihanna - S&M

G-Eazy - Him&I

Noah Kahan - Orbiter

Drunken Night - Skin Like Signals

Nessa Barret - do you really want to hurt me?

DEADLOVE - Love Died and Left me in Defeat

Три дня дождя - Отпускай

Макс Корж - Эндорфин

XOLIDAYBOY - Ты не хотела

Kit Siner - Taste of you

BURY, Omido, Beneld - Good Girl

Между двух огней.

Любовь, которая сжигает до тла.

Глава 1

Моя новая жизнь

Я сидела в своей комнате и смотрела в окно. За стеклом люди спешили по своим делам: кто-то почти бежал, погружённый в свои мысли, а кто-то неторопливо шёл по улице, наслаждаясь обычным днём.

Я наблюдала за ними и невольно думала о своей собственной жизни. Иногда мне хотелось знать, кем были мои родители, почему однажды я оказалась в детском доме и что произошло до того, как я туда попала. У каждого из этих людей была своя история, своя семья, свое прошлое. А о своём прошлом я знала совсем немного. Я снова вспомнила детский дом, где провела большую часть жизни, и почувствовала, как сердце болезненно сжалось.

Когда мы с Лаурой выпускались из детского дома, нас спросили, чего мы хотим после выпуска. Мы почти одновременно сказали одно и то же: что хотим остаться вместе. Мы жили рядом столько лет, что мысль о разлуке казалась нам неправильной. Поэтому воспитатели помогли оформить просьбу, чтобы при распределении жилья нас не разделяли.

Через несколько месяцев нам сообщили, что просьбу удалось учесть. Нам предоставили небольшую квартиру-студию в Санкт-Петербурге — одну на двоих. Квартира была совсем маленькой: прихожая, санузел, кухня, совмещенная с жилой

комнатой. Но для нас она казалась огромной.

— Значит, это теперь наше? — тихо спросила Лаура.

— Наше, — ответила я и улыбнулась.

В тот вечер мы долго сидели на полу среди еще не разобранных коробок и придумывали, где что поставить. У каждой впервые было место, куда можно было вернуться.

Мы познакомились еще детьми и почти сразу стали друг для друга чем-то большим, чем просто соседки по комнате.

Наверное, потому что в детском доме особенно быстро учишься замечать тех, кто рядом. Ты знаешь, кто не любит оставаться один после отбоя, кто плачет тихо, чтобы никто не услышал, кто притворяется, что ему всё равно, а кто каждый вечер ждёт, что за ним всё-таки придут.

Мы обе давно поняли, что ждать бессмысленно. Поэтому постепенно научились создавать свой собственный маленький мир.

Наш детский дом снаружи выглядел именно так, как я представляла его по книгам — серые стены, одинаковые окна, длинные коридоры и казенная мебель. Иногда мне вспоминалась «Ночевала тучка золотая» Анатолия Приставкина: там детский дом тоже был не просто зданием, а целым миром, в котором детям приходилось взрослеть раньше времени.

Но наш мир всё-таки был другим. Потому что внутри этих серых стен у нас с Лаурой было своё место. Маленький уголок, который мы постепенно превратили в наш собственный

дом.

И именно там я начала танцевать.

Когда остальные занимались своими делами, я включала на старом телефоне видеоуроки и пыталась повторять движения. Пол был слишком твердым, места почти не было, а вместо зеркала приходилось смотреть на своё отражение в темном оконном стекле. Лаура сидела рядом и терпеливо ждала, пока я закончу.

— Ещё раз, — говорила она, если у меня не получалось.

— Я уже десятый раз пытаюсь.

— Значит, будет одиннадцатый.

Она никогда не смеялась над моей мечтой. Даже когда я сама начинала думать, что балериной мне не стать.

Наверное, в этом и была наша маленькая победа. Мы не могли изменить место, в котором выросли. Не могли выбрать себе родителей, стены или прошлое. Но мы могли выбрать, кем друг для друга станем.

У нас была большая комната.

Для двух девчонок — может, даже слишком большая.

Стены здесь, как и почти во всём детском доме, были выкрашены в бледно-серый цвет. Краска местами потемнела от времени, а возле батареи пошла мелкими трещинами. На полу лежал старый линолеум, который всегда казался холодным, даже летом.

Две кровати стояли у противоположных стен. Моя была застелена покрывалом в мелкую синюю полоску, а у Лау-

ры — однотонным, которое она постоянно поправляла, если хоть один уголок выбивался из-под матраса. Рядом с каждой кроватью стояла небольшая тумбочка. На моей обычно лежали книги, закладки и всякие мелочи, которые я почему-то не могла выбросить. У подруги всё было аккуратнее: расческа, крем для рук, несколько резинок для волос и маленькая фотография, которую она хранила между страницами старого блокнота.

Над кроватями висели две узкие полки. Их нам разрешили украсить самим, и именно там постепенно появилось всё то, что делало комнату хоть немного нашей: рисунки, открытки, вырезанные из журналов картинки и маленькие бумажные записки, которые мы иногда оставляли друг другу. У окна стоял письменный стол.

Окно выходило во внутренний двор, поэтому вместо улицы мы видели только кусочек серого неба, несколько деревьев и бетонную дорожку, по которой воспитатели водили нас на прогулку.

Между нашими кроватями, словно негласная граница, стоял общий шкаф для одежды.

Это был массивный старый монстр из тёмного дерева с разохшимися дверцами. Каждый раз, когда мы его открывали, он недовольно скрипел, будто тяжело вздыхал. Но, несмотря на всё это, комната постепенно стала нашей. Мы по-своему взбивали подушки, раскладывали вещи, переставляли мелочи на полках и придумывали маленькие пра-

вила, понятные только нам двоим. Даже у кроватей появились свои стороны: моя — немного более хаотичная, Лауры — аккуратная до смешного.

Наверное, именно из таких мелочей и складывается ощущение дома. А за дверью всё оставалось прежним. Дни в детском доме тянулись одинаково, размеренно, словно по давно написанному сценарию: подъем, завтрак, уроки, обед, прогулка, ужин, отбой.

И так изо дня в день. Поэтому любое отклонение от этого порядка ощущалось почти как праздник.

Например, приезд волонтеров. Мы начинали ждать их задолго до того, как во дворе появлялись машины. Кто-нибудь первым замечал их из окна, и новость мгновенно разлеталась по комнатам. Девочки начинали поправлять волосы, мальчишки спорили, кто первым побежит встречать гостей, а в коридорах становилось непривычно шумно. И дело было даже не в подарках. Просто вместе с волонтерами в наш привычный мир ненадолго приходило что-то другое. Новые лица, разговоры, смех, ощущение, что за пределами этих стен существует огромная жизнь, о которой мы пока знали совсем мало. И каждый раз мы ждали их появления как маленького чуда. Обычно воспитательницы разговаривали с нами спокойно, но почти всегда на ходу. Короткие указания, напоминания, замечания — всё по распорядку, который мы знали наизусть. Они следили, чтобы мы вовремя встали, оделись, поели, убрали за собой и легли спать. Даже улыбки у них ча-

ще были привычными, почти дежурными. Но в дни приезда волонтеров всё немного менялось.

В голосах воспитательниц появлялось непривычное оживление, улыбки становились теплее, а сами они будто начинали торопиться сильнее обычного. Они поправляли на нас одежду, просили вести себя хорошо, напоминали поздороваться и не забыть поблагодарить за подарки. Мы замечали эти перемены даже раньше, чем во дворе появлялись машины. По легкому трепету в голосах воспитательниц, по их чуть более мягким улыбкам мы уже понимали: сегодня будет что-то особенное.

Мы часто мечтали о том, что будет после выпуска. О собственной квартире, о вещах, которые можно выбирать самим, о жизни, где никто не скажет, во сколько ложиться спать и когда возвращаться с прогулки. Мы хотели выбирать всё, что захотим. И это было бы наше.

Когда наконец пришло время выпускаться, всё произошло как-то слишком быстро. Ещё вчера мы жили по знакомому расписанию, а сегодня стояли на пороге взрослой жизни с ключами от собственной квартиры в руках. Нам предложили небольшую квартиру-студию в Санкт-Петербурге — одну на двоих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.